

А.А. Мёдова

Ценность рациональности. Концепция символики сознания

Рациональность – первейшая интеллигибельная ценность, так как интеллигибельность есть постигаемость разумом, рассудочность. Ценность рациональности провозгласила уже древнегреческая культура, выводившая из умения пользоваться разумом достоинство человека. Проблема рациональности состоит, на наш взгляд, не в обосновании её ценности, поскольку рационалистические основания культуры достаточно изучены, а в осмыслении самой сути того феномена, который мы называем рациональность.

Под разумностью или рациональностью традиционно понимается способность умозаключать, последовательно излагать свои мысли, находить причины и сущность явлений, рассматривать что-либо всесторонне, устанавливать соответствие, абстрагировать, обобщать и т.д. [3, с. 546-547].

Надо заметить, что в данном определении разумности присутствует герменевтический круг – суть разума в способности находить сущность явлений, сама же сущность как таковая – порождение разума, так как феномен смысла возможен исключительно в рамках разума. Как бы то ни было, рационализм исходит из презумпции очевидности разумного усмотрения чего-либо.

Вопрос о том, какое усмотрение считать разумным, остается открытым. Он усложняется тем, что человек, по-видимому, не имеет никакой альтернативы своей собственной разумности, если понимать последнюю как специфически человеческий способ отношения (к чему-либо) или самоотношения.

Иными словами, широко понимаемая рациональность есть не что иное, как обозначение типа сознания, присущего человеку. Но есть и другое, более узкое понимание, которое породило такой концепт как «иррациональность». Это узкое определение рациональности, приведенное выше, связано с представлением об определенных процедурах мышления и апеллирует к понятиям «логика», «смысл», «знание», «рефлексия».

Несмотря на то, что к настоящему времени сама рациональность как таковая неоднократно претерпевала кризис и теряла «общественное доверие», создавались мощнейшие иррационалистические парадигмы (религиозная, экзистенциалистская, постмодернистская), проблемы

рациональности не теряют актуальности. Анализ рациональности ценен тем, что неизбежно влечет за собой построение целостной модели сознания, поскольку рациональность предстает как один из его фундаментальных принципов. На взгляд автора статьи, рациональность в настоящее время осмысливается, прежде всего, в рамках феноменологии, с её попыткой взглянуть на разум и сознание изнутри, познать его имманентное устройство, или хотя бы распознать признаки этого устройства в том, как предстают нам вещи.

Так, М. Мамардашвили пытался понять сознание как некий код, или, говоря кантовским языком, принцип чтения некоего текста, и, одновременно как сам текст: «Если существует такой феномен, как *лицо*, то мы должны предположить, что такой феномен... имеет некоторый бесконечно открытый код... Культуры, имеющие такой открытый код, выполняют некоторый онтологический закон, который можно сформулировать так: всякий текст может читаться только текстом» [1, с.101]. Под текстом здесь подразумевается, на наш взгляд, некая самоконституирующаяся (т.е. с открытым кодом) структура «вмещения» реальности, она-то и есть рациональность с феноменологической точки зрения. Современные рационалистические концепты по-прежнему оперируют понятиями «мысль», «знание», «сознание», но эти понятия приобрели другие модусы. Так, опять же согласно Мамардашвили, феноменология по-прежнему предполагает бессубъектную и беспредметную мысль как основание трансцендентального среза мира или трансцендентального сознания, с позиций которого можно рассматривать *говоримое как возможность того мира, о котором говорится* [там же, 105]. Сутью феноменологической парадигмы рациональности продолжает оставаться кантовский взаимный отсыл от сознания к реальности и назад, наподобие двух поставленных друг напротив друга зеркал. Значит, проблема не в том, что есть реальность вообще, а в том, как устроено «зеркало» сознания. Это чисто рационалистическая проблема.

Фундаментальные попытки объяснения «механизма» сознания — это, несомненно, величайшие прорывы философской мысли. Первой из них была кантовская. К настоящему времени можно выделить, пожалуй, три такого рода концепции, т.е. три различных феноменологических объяснения сути сознания. Назовем их условно «символизация», «самообращенность» и «опосредование». Все они призваны проникнуть в проблему конституирования мысленных и реальных объектов, в проблему смыслопорождения.

Концепция опосредования, в общих чертах, предполагает, что сознание содержит некие идеальные механизмы или принципы, или фильтры, с помощью которых объективная реальность опосредуется в